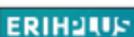

Федяева Е. В. Личностные доминанты как вектор процесса языковой интерпретации количества / Е. В. Федяева // Научный диалог. — 2019. — № 5. — С. 169—182. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-169-182.

Fedyayeva, E. V. (2019). Individual's Dominants as Vector of Language Interpretation of Quantity. *Nauchnyi dialog*, 5: 169-182. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-169-182. (In Russ.).

УДК 81:572+811.111'42

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-169-182

Личностные доминанты как вектор процесса языковой интерпретации количества

© Федяева Елена Владимировна (2019), orcid.org/0000-0002-8488-3511, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия), fedyayeva_lena@mail.ru.

Рассматривается доминантный принцип формирования смысла в процессе восприятия и концептуализации действительности, в том числе и количественного аспекта бытия. Поднимается вопрос об индивидуально значимых структурах знания — доминантах языкового сознания индивида, которые определяют и направляют процесс языковой интерпретации. Новизна исследования усматривается в попытке моделирования принципов работы языкового сознания по осмыслению количественных свойств и отношений окружающего мира. Актуальность исследования обусловлена выбранным подходом — когнитивным, предполагающим соотнесение различных ментальных структур и форматов знания с их языковой репрезентацией. Проведенный анализ фактического материала, включающий данные английского, французского, русского языков, позволяет не только увидеть эталоны интерпретации — маркеры доминантных зон индивидуального языкового сознания, «обнажающие» различные приоритетные области, но и выявить когнитивные и языковые механизмы конфигурации смысла. Представляется, что репертуар доминант языкового сознания уникален для каждого индивида, поскольку формирование, наличие, а также степень 'выделенности' определенных структур знания обусловлены индивидуальным когнитивным опытом, зависящим от множества факторов. Применение доминантного принципа позволяет показать вариативность форматирования когнитивного содержания, уровень развития языковой личности и, как следствие, степень его лингвокреативности.

Ключевые слова: количество; интерпретация; доминанта; индивидуальное языковое сознание.

1. Языковая интерпретация и конструирование мира в языке

Современный антропоцентрический этап развития лингвистики, характеризующийся пристальным вниманием исследователей к вопросам

соотношения языка и сознания, к исследованию когнитивных и языковых механизмов формирования смысла, к способам фиксации в языке полученных знаний о мире, предполагает соотнесение различных ментальных форматов знания с их языковой репрезентацией. Сегодня в рамках когнитивного подхода к исследованию языка считается, что язык как инструмент познавательной деятельности является продуктом эмпирического взаимодействия человека с окружающей действительностью, отображающим его повседневный опыт «общения» с миром. По словам Плотина, «в основе мысли, выражаемой посредством языка, лежит опыт, данный в ощущениях, их восприятии и интерпретации. Наши чувственные восприятия внешних вещей столь ясны, что сопровождаются всегда невольной верой в бытие этих вещей, однако же это несколько не мешает сомневаться и думать, что в ощущениях дана не природа самих вещей, а только модификации ощущающего субъекта, и в этом сомнении решающим судьей может быть уже не ощущение, а разум или рассудок» [Плотин, 1994, с. 64]. Рассуждения Плотина об активной роли человеческого разума в формировании языковых смыслов свидетельствуют о том, что еще в III веке н. э. была подмечена интерпретативная по своему характеру сущность языка. Когнитивная деятельность человека в целом интерпретативна, поскольку подразумевает постоянное «объяснение для себя» различных фрагментов действительности, их свойств, характеристик, связей и отношений. Язык как когнитивная деятельность и как система полученных извне знаний не просто их фиксирует, но «каждый языковой знак есть акт интерпретации как соответствующих моментов мышления, так и соответствующих моментов действительности» [Лосев, 1982, с. 96].

В терминах активно развиваемой сегодня теории интерпретации подобным образом акцентируется мысль о том, что языковые единицы не являются простым отражением предметов и объектов реального мира. Языковая интерпретация как универсальная когнитивная способность человека лежит в основании всей системы конструирования мира в языке. При этом количество «миров» можно считать потенциально неограниченным ввиду неограниченного множества и самих субъектов интерпретации.

Важно отметить, что, как познавательная активность, интерпретация имеет статический аспект, характеризующийся результатами концептуализации и категоризации мира как системы концептов и категорий, и динамический аспект, представленный языковыми формами, участвующими в самих процессах концептуализации, категоризации и интерпретации полученных знаний. Исходя из этого, следует отметить два основных вида интерпретации: первичную как результат категоризации естественных объ-

ектов и вторичную, результатом которой являются новые знания о мире, сформированные в процессе вторичной концептуализации и категоризации [Болдырев, 2017а, с. 22—32]. Вторичную интерпретацию, по мнению Н. Н. Болдырева, можно условно назвать субъективной, учитывая, однако, тот факт, что такая интерпретация всегда выстраивается на базе коллективного знания [Там же].

2. Коллективное vs. индивидуальное в языке

Назначение любого языка, по словам В. Гумбольдта, заключается в том, чтобы «служить орудием для разнообразнейших индивидуальностей. В самом деле, не говоря уже о различиях между полами и поколениями, нация, говорящая на одном языке, включает в себя все нюансы человеческой самобытности. Различия еще больше усиливаются, если дело касается языка, потому что он проникает в сокровеннейшие тайники духа и сердца. Но каждый индивид употребляет его для выражения именно своей неповторимой самобытности...» [Гумбольдт, 2000, с. 164]. Представляется, что понимание роли языка, предложенное В. Гумбольдтом, не только не потеряло своей актуальности, но и предоставляет современной науке почву для размышлений в направлении признания существующей необходимости дальнейшего изучения языка не только как достояния человека вообще, как системы всеобщего коллективного знания, но и как достояния каждого отдельного индивида.

Очевидной представляется мысль о том, что включенность индивида в систему коллективного сознания вовсе не отменяет того факта, что знание каждого человека в основном «зависит от его собственного индивидуального опыта: он знает то, что видел, слышал, что он прочел и что ему сообщили, а также то, о чем он, исходя из этих данных, смог заключить» [Рассел, 2000, с. 18]. Из этого следует, что проблема исследования «специфики языка как достояния человека, то есть индивидуального знания, формирующегося в социуме через переработку знания коллективного, но не идентичного последнему» [Залевская, 1992, с. 89], может считаться поистине неисчерпаемой. Именно поэтому в рамках современных направлений исследований в центре внимания продолжают оставаться вопросы, связанные с изучением языковой личности и индивидуального языкового сознания.

Хорошо известен тот факт, что вся система мировоззрения индивида формируется под влиянием ценностей, норм и стереотипов, усваиваемых им в процессах социализации и инкультурации. Получая от общества готовый продукт в виде языкового сознания, то есть опыта и знаний о мире предыдущих поколений, накопленных в филогенезе и закрепленных в язы-

ковых категориях, индивид получает с языком и картину мира, сформированную в национальном сознании [Schaff, 1973, p. 143]. Составляющие коллективного знания являются прочным фундаментом, на котором выстраивается взаимопонимание членов внутри определенного лингвокультурного сообщества. Однако каждый человек волен прибегать и к своей, субъективно релевантной системе знаний, мнений и оценок, вытекающих из его собственного жизненного опыта, согласующихся с его индивидуальной картиной мира. Становится очевидным, что индивидуальные знания и личностные смыслы, формирующиеся в процессе переработки знаний коллективных, существенно влияют на процесс интерпретации.

Говоря о соотношении коллективного vs. индивидуального, М. В. Никитин подчеркивает, что «субъективные интересы “питаются” объективным знанием» [Никитин, 1996, с. 30]. Б. Рассел отмечает, что «коллектив знает и больше и меньше, чем индивидуум: он знает, как коллектив, все содержание энциклопедии <...> но он не знает тех лежащих близко к сердцу и интимных вещей, которые составляют колорит и самую ткань индивидуальной жизни» [Рассел, 2000, с. 23]. Раскрывая специфику понятия «индивидуальное знание», Н. Н. Болдырев отмечает, что индивидуальность знания проявляется в конкретных показателях количественного и качественного усвоения коллективного знания, в его индивидуальной оценке и интерпретации. Индивидуальное знание — это определенная конфигурация коллективного знания с точки зрения его объема, содержания и интерпретации [Болдырев, 2009, с. 37].

3. Доминантный принцип формирования смысла

Понятие «доминанты» используется сегодня в самых различных смыслах, в рамках различных научных направлений. Теория доминанты А. А. Ухтомского (см., напр. [Ухтомский, 2002]) базируется на представлении о том, что любая деятельность индивида обусловлена влиянием доминанты. Развивая данное положение, отметим, что доминантный принцип может быть перенесен практически в любую область исследования, что позволяет изучать не только различные физиологические и психологические процессы, но и социальные процессы в целом.

Исследования в области психолингвистики, например, показывают применение принципа доминанты при изучении процессов порождения и понимания текста, когда отбор языковых единиц-репрезентантов смысла осуществляется в соответствии с действующей эмоционально-смысловой доминантой художественного текста [Пищальникова, 1991]. Доминанта может также рассматриваться и в качестве текстообразующего фактора в целом [Кинцель, 2000].

Тенденция к междисциплинарности, интеграции различных подходов и трансдисциплинарности как отличительная характеристика сегодняшней науки в целом и науки о языке, в частности, позволяет использовать доминантный принцип при моделировании когнитивных процессов и процессов индивидуальной конфигурации знания [Болдырев, 2017б]. Кроме того, в контексте когнитивно-дискурсивной парадигмы, где особое внимание уделяется изучению когнитивных и прагматических факторов, мотивирующих выбор единиц языка, доминантный принцип работы сознания, вероятно, может способствовать повышению уровня экспланаторности в направлении осмысления коммуникативных интенций / доминант говорящего.

Поскольку, как уже отмечалось выше, индивидуальная конфигурация коллективного знания в языке мотивирована интерпретирующей деятельностью сознания каждого отдельного индивида, представляется, что языковая «упаковка» индивидуального когнитивного опыта во многом обусловлена активацией структур знания, которые в определенный момент являются наиболее для него приоритетными. Уместной в этой связи представляется мысль В. Гумбольдта, высказанная им еще около двух веков назад, о том, что «слово — не эквивалент чувственно-воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова. Именно здесь источник для многообразия выражений одного и того же предмета...» [Гумбольдт, 2000, с. 103]. Выбор определенной области знаний среди других потенциально возможных «в конкретный момент изобретения слова» «обнажает» вектор процесса интерпретации — личностные доминанты, при непосредственном участии которых и объективируется мысль. Под личностными доминантами понимаются «те или иные области знания, ценности, мнения стереотипы, избираемые как преобладающие по сравнению с другими, которые позволяют структурировать свое видение мира в результате взаимодействия с ним. Личностные доминанты формируют концептуальную систему человека и объясняют способы схематизации языкового познавательного опыта индивида [Виноградова и др., 2018, с. 279]. Поскольку формирование концептуальной системы отдельного человека во многом зависит от времени и места проживания, исторической эпохи, социального статуса, пола, возраста, уровня образования и т. д., инвентарь личностных доминант как продуктов когнитивного опыта каждого отдельного индивида может считаться уникальным. Доминанты индивидуального языкового сознания, направляющие и формирующие мысль, могут представлять собой практически любые области и структуры знания, будь то политика, литература, архитектура, живопись и т. д., которые с точки зрения индиви-

да являются для него наиболее приоритетными, привлекательными, интересными.

Для иллюстрации доминантного принципа формирования смысла в процессах восприятия действительности, динамического характера процесса языковой интерпретации, а также когнитивных и языковых механизмов формирования смыслов, связанных с индивидуальным осмыслением количественного аспекта бытия, обратимся к анализу фактического материала. Можно предположить, что в процессе восприятия количественных характеристик активируются различные структуры знаний, являющиеся основой для концептуализации количества и дальнейшего форматирования смысла. Рассмотрим следующие примеры:

1) *His bedroom was a twenty by twenty foot den, lit by dimmed and recessed ceiling lights, with a tight-weave grey carpet and en suite wet room with imported American fittings and a shower as forceful as Yosemite cascade* [Faulks, 2010, p. 41]. — *Его спальня площадью двадцать на двадцать квадратных футов была похожа на логово с тусклыми встроенными в потолок светильниками, жестким серым ковром. Смежная ванная комната была оснащена импортным американским оборудованием и мощным, как Йосемитский водопад, душем* (здесь и далее перевод автора статьи. — Е. Ф.)

2) *It was in a quiet street, far enough away from the noise of Holland Park Avenue or the rowdy communal gardens of Notting Hill, where it always seemed to be firework night. For five years when his two children were still small, Veal and his wife Vanessa had endured the life of such a garden... Veal's breaking point had come when a series of Baghdad-intensity explosions woke his children from their sleep at midnight* [Ibid., p. 39]. — *Его дом стоял на тихой улице вдали от шума Холланд Парк Авеню и Ноттинг-Хилла, где, казалось, каждую ночь запускались фейерверки. В течение пяти лет, пока двое детей Вила и Ванессы были еще маленькими, они терпели это соседство. Переломным для Вила стал момент, когда серия фейерверков, сравнимых по интенсивности с бомбардировками Багдада, разбудила среди ночи его детей.*

3) *I can't do nothing all day. It's going to drive me crazy. I'll have to go and buy another paper from the village shop. If they've got War and Peace, I'll buy that too* [Kinsella, 2005, p. 163]. — *Я не могу весь день ничего не делать. Это сводит меня с ума. Я должна пойти и купить еще одну газету. Если у них есть «Война и мир», я и ее куплю.*

Анализ приведенных выше примеров показывает, что инструментами конфигурации индивидуального знания при осмыслении и дальнейшей языковой репрезентации количественных характеристик становятся эталоны интерпретации, которые являются своеобразными показателями приоритет-

ных для индивида областей знания. Заметим, что в самом общем смысле эталон «конструирует объект не столько как абстрактный типичный представитель категории с максимальным количеством базовых категориальных признаков, сколько как его наилучший представитель в буквальном смысле слова — причем, как правило, по весьма ограниченному набору признаков. Эталон репрезентирует конкретный объект, в котором максимально проявляется некий позитивно- или негативно-оценочный признак [Ирисханова, 2012, с. 177]. По мнению В. Н. Телия, эталоны и есть та «антропометрическая позиция, которая служит <...> фильтром, сквозь который, как через цветное стекло, воспринимается мир» [Телия, 1986, с. 39].

Активацией имеющихся у индивида знаний и представлений о количественных свойствах и отношениях действительности мотивировано формирование эталонов интерпретации. Так, активация концептуальных структур, связанных со знаниями в области географии в примере (1), свидетельствует о «сиюминутной выделенности» данной области опыта в сознании индивида, чем и объясняется выдвижение на роль эталона интерпретации признака интенсивности и мощности (как характеристики оборудования) природного феномена — Йосемитского водопада (*a shower as forceful as Yosemite cascade*). Заметим, что водопады Йосемитского национального парка в Калифорнии являются одними из самых мощных водопадов в мире. Знание этого факта явилось доминирующим, определив тем самым выбор в пользу языкового механизма сравнения как одного из инструментов реализации доминантного принципа.

В примере (2) индивидуальная эрудиция в сфере политических событий марта 2003 года, связанных с вторжением США в Ирак и последовавшим за этим вторжением военным конфликтом, выступает в качестве доминанты при интерпретации интенсивности фейерверка, сравнимой с интенсивностью взрывов в ходе ракетно-бомбовых ударов по Багдаду (*a series of Baghdad-intensity explosions*).

Осведомленность в области литературы в примере (3) как доминанта процесса интерпретации определяет тот факт, что инструментом «измерения» временных промежутков бездействия героини становится одно из величайших произведений мировой литературы (*War and Peace*), известное большим объемом. Неслучайно, дефиниция из Longman «Dictionary of Language and Culture» включает указание на то, что «*War and Peace* <...> is sometimes mentioned as being a very typical example of an extremely long book» [LDLC, p. 1500].

Анализ фактического материала показывает, что в качестве эталонов интерпретации количественных характеристик могут функционировать

и шедевры мирового искусства, принадлежащие мастерам живописи и архитектуры, что, в свою очередь, объясняется доминированием той части концептуальной системы человека, которая «отвечает» за хранение данного типа знаний. Например:

4) *He's passing by the building at the foot of the Post Office Tower — less ugly these days with its aluminium entrance, blue cladding and geometric masses of windows and ventilation grilles looking like a Mondrian* [Mc Ewan, 2006, p. 78]. — **Он шел** вдоль здания, расположенного рядом с телевизионной башней, которое казалось ему не таким уродливым в последнее время — вход, сделанный из алюминия, синеватая отделка и **геометрическая масса окон и вентиляционных решеток напоминали ему картины Мондриана**.

5) *De chaque côté de la route, se dressaient des cactus géants aux bras levés vers le ciel, sculpture filiformes qui semblaient sortir de l'imaginaire de Giacometti* [Richard, 2008, p. 175]. — По обе стороны дороги возвышались **гигантские кактусы с распростертыми к небу руками**, похожие на скульптуры, **рожденные воображением Джакометти**.

6) И в течение полугода потом в Ленинграде наблюдалось **полное изобилие овощей и фруктов: прямо Снайдерс какой-то на прилавках ...** [Веллер, 2010, с. 181].

В примере (4) знание индивидуального стиля П. Мондриана, нидерландского художника, одного из основателей абстрактной живописи, картины которого считаются шедеврами из элементарных линий и форм, явилось основанием для концептуализации зрительно наблюдаемого множества окон и вентиляционных решеток на здании в образах картин этого художника (рис. 1).

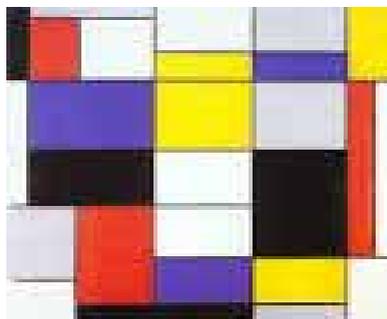

Рис. 1. П. Мондриан «Композиция А»

В примере (5) основанием сравнения параметрических характеристик растений («гигантских кактусов, с распростертыми к небу руками») стало

знание творчества А. Джакометти — швейцарского скульптора, художника-сюрреалиста, кубиста, известного неповторимым (экзистенциальным) стилем в скульптуре (рис. 2).

Рис. 2. А. Джакометти «Шагающий человек»

В примере (6) языковая интерпретация идеи большого количества овощей и фруктов мотивирована доминантной (в сознании говорящего) ролью картин фламандского художника XVII века Франса Снайдерса, ставшего широко известным благодаря изображению продуктового изобилия и рыночного натюрморта (рис. 3).

Рис. 3. Ф. Снайдерс «Натюрморт с корзиной фруктов»

Таким образом, все приведенные выше примеры иллюстрируют тот факт, что индивидуальная компетентность, осведомленность и эрудиция языковой личности, субъективные образы, связанные с накопленным опытом в определенной сфере знания, доминируют при интерпретации объектов, явлений и свойств действительности, являясь своего рода «трафаретами, сквозь которые человек смотрит на этот мир» [Келли, 2000, с. 18].

4. Заключение

Резюмируя сказанное выше, формулируем следующие положения: 1) субъектно-ориентированная природа языковой интерпретации дает основания полагать, что действительность в языке представлена в специфически модифицированном виде; 2) доминанты языкового сознания индивида как приоритетные области знания определяют и направляют процесс языковой интерпретации; 3) набор доминант языкового сознания уникален для каждого отдельного индивида, поскольку его формирование обусловлено различными культурно-историческими, социальными, экономическими и многими другими факторами; 4) личностные доминанты «высвечиваются» в языке при помощи эталонов интерпретации; 5) объекты, явления, выдвигаемые на роль эталонов интерпретации количества, являются показателями доминантных зон индивидуального языкового сознания, поскольку их активация происходит при восприятии количественных характеристик в режиме «on-line»; 6) личностные доминанты выступают в качестве опорных точек, задающих общее направление процесса интерпретации, влияя в конечном итоге на выбор языковых средств; 7) анализ фактического материала показал, что одним из когнитивных механизмов реализации доминантного принципа при интерпретации количества является когнитивный механизм сравнения, заключающийся в перенесении характеристики (признака) с одного объекта на другой при одновременной активации как интерпретирующей, так и интерпретируемой когнитивных областей; 8) поскольку язык является достоянием каждого человека в отдельности, языковые единицы, выступающие в качестве эталонов интерпретации, существенно обогащены личностными смыслами; 9) применение доминантного принципа формирования смысла позволяет показать возможные пути интерпретации, раскрывающие творческий характер человеческого мышления.

Подводя итог, отметим, что интересным и актуальным, на наш взгляд, представляется дальнейшее изучение специфики индивидуального сознания в аспекте восприятия, осмысления и дальнейшей языковой интерпретации различных аспектов и феноменов бытия. В целом же проблема

репрезентации различных типов индивидуального знания в языке может считаться потенциально неисчерпаемой ввиду уникальности и неповторимости каждой отдельной языковой личности.

Источники и принятые сокращения

1. *Веллер М.* Легенды Невского проспекта / М. Веллер. — Москва : Издательство Москва, 2010. — 415 с.
2. *Faulks S.* A Week in December / S. Faulks. — Lnd : Vintage, 2010. — 392 p.
3. *Kinsella S.* The Undomestic Goddess / S. Kinsella. — Black Swan, 2005. — 416 p.
4. LDLC — Longman Dictionary of English Language and Culture / Ed. Della Summers. — Longman, 1998. — 1568 p.
5. *Mc Ewan I.* Saturday / I. Mc Ewan. — Lnd : Vintage Books, 2006. — 279 p.
6. *Richard J.-P.* La fille tombée d'un rêve / J.-P. Richard. — Albin Michel, 2008. — 252 p.

Литература

1. *Болдырев Н. Н.* Антропоцентрическая теория языка. Теоретико-методологические основы / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. — 2017а. — Выпуск XXVIII. — С. 20—81.
2. *Болдырев Н. Н.* Концептуальная основа языка / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Выпуск IV. Концептуализация мира в языке. — Москва : Институт языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. — С. 25—77.
3. *Болдырев Н. Н.* Язык как интерпретирующий фактор познания / Н. Н. Болдырев // Интерпретация мира в языке : коллективная монография / Л. В. Бабина [и др.] ; науч. ред. Н. Н. Болдырев ; М-во обр. и науки РФ, Тамб. Государственный университет им. Г. Р. Державина. — Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017б. — С. 19—81.
4. *Виноградова С. Г.* Языковое сознание и личностные доминанты / С. Г. Виноградова, И. Н. Толмачева // Когнитивные исследования языка. Выпуск XXXIV : Cognito и Communicatio в современном глобальном мире : материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 10—12 октября 2018 г. — Москва : МГУ имени М. В. Ломоносова ; Неолит, 2018. — С. 278—281.
5. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. — Москва : Издательская группа «Прогресс», 2000. — 400 с.
6. *Залевская А. А.* Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования / А. А. Залевская. — Тверь : Издательство ТГУ, 1992. — 135 с.
7. *Ирисханова О. К.* Стереотипы, эталоны и другие социокультурные модели в дискурсе : сходство и различия / О. К. Ирисханова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2012. — № 5 (638). — С. 173—184.
8. *Келли Дж. А.* Теория личности. Психология личных конструктов / Дж. А. Келли. — Санкт-Петербург : Речь, 2000. — 249 с.

9. *Кинцель А. В.* Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора / А. В. Кинцель. — Барнаул : Издательство АГУ, 2000. — 152 с.
10. *Лосев А. Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию / А. Ф. Лосев. — Москва : Издательство Московского университета, 1982. — 480 с.
11. *Никитин М. В.* Основания когнитивной семантики / М. В. Никитин. — Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. — 277 с.
12. *Пищальникова В. А.* Концептуальный анализ художественного текста : учебное пособие / В. А. Пищальникова. — Барнаул : Издательство АГУ, 1991. — 87 с.
13. *Плотин.* Избранные трактаты : в 2-х томах / Плотин. — Т. 1. — Москва : Издательство «РМ», 1994. — 128 с.
14. *Рассел Б.* Человеческое познание : его сфера и границы / Б. Рассел. — Москва : ТЕРРА — «Книжный клуб» ; Республика, 2000. — 464 с.
15. *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. — Москва : Наука, 1986. — 143 с.
16. *Ухтомский А. А.* Доминанта / А. А. Ухтомский. — Санкт-Петербург : Питер, 2002. — 448 с.
17. *Schaff A.* Language and Cognition. — Boston University : Mc Graw — Hill Book Company, 1973. — 194 p.

Individual's Dominants as Vector of Language Interpretation of Quantity

© **Elena V. Fedyaeva (2019)**, orcid.org/0000-0002-8488-3511, PhD in Philology, associate professor, Department of Foreign Languages, Faculty for Humanities, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia), fedyaeva_lena@mail.ru.

The study considers the dominant principle of sense formation in the process of reality perception and conceptualization including the quantitative aspect of being. The individually significant structures of knowledge, i.e. the dominants of the individual's linguistic consciousness, determine and direct the process of language interpretation. The novelty of the study is seen in the attempt to model the principles of linguistic consciousness in understanding the quantitative properties and relationships. The relevance of the study is determined by the chosen cognitive approach involving the correlation between different mental structures, formats of knowledge and their language representation. The analysis of the empiric material, including the data of English, French, Russian languages, reveals not only the standards of interpretation, i.e. markers of the dominant zones of individual's linguistic consciousness "exposing" different priority areas, but also identifies cognitive and linguistic mechanisms of meaning configuration. The repertoire of the dominant linguistic consciousness seems to be unique for each individual, because the formation, presence and the degree of certain knowledge structures 'prominence' are conditioned by the individual cognitive experience which depends on many factors. The application of the dominant principle allows demonstrating the variability of the cognitive content for-

matting, the level of linguistic personality development and, as a consequence, the degree of a person's linguistic creativity.

Key words: quantity; interpretation; dominant; individual language consciousness.

Material resources

- Ewan, I. Mc (2006). *Saturday*. Lnd: Vintage Books.
- Faulks, S. (2010). *A Week in December*. Lnd: Vintage.
- Kinsella, S. (2005). *The Undomestic Goddess*. Black Swan.
- LDLC — Summers, D. (ed.) (1998). *Longman Dictionary of English Language and Culture*. Longman.
- Richard, J.-P. (2008). *La fille tombée d'un rêve*. Albin Michel. (In Fran.).
- Veller, M. (2010). *Legendy Nevskogo prospekta*. Moskva: Izdatelstvo Moskva. (In Russ.).

References

- Boldyrev, N. N. (2009). Kontseptualnaya osnova yazyka. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka, IV. Kontseptualizatsiya mira v yazyke*. Moskva: Institut yazykoznaniiya RAN; Tambov: Izdatelskiy dom TGU im. G. R. Derzhavina. 25—77. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2017a). Antropotsentricheskaya teoriya yazyka. Teoretiko-metodologicheskiye osnovy. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka, XXVIII*: 20—81. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2017b). Yazyk kak interpretiruyushchiy faktor poznaniya. In: *Interpretatsiya mira v yazyke: kollektivnaya monografiya*. Tambov: Izdatelskiy dom TGU im. G. R. Derzhavina. 19—81. (In Russ.).
- Gumboldt, V. (2000). *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu*. Moskva: Izdatelskaya gruppa «Progress». (In Russ.).
- Iriskhanova, O. K. (2012). Stereotipy, etalony i drugie sotsiokulturnyye modeli v disкурсе: skhodstvo i razlichiya. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, 5 (638)*: 173—184. (In Russ.).
- Kelli, Dzh. A. (2000). *Teoriya lichnosti. Psikhologiya lichnykh konstruktov*. Sankt-Peterburg: Rech'. (In Russ.).
- Kintsel', A. V. (2000). *Psikholingvisticheskoye issledovaniye emotsionalno-smyslovoy dominanty kak tekstoobrazuyushchego faktora*. Barnaul: Izdatelstvo AGU. (In Russ.).
- Losev, A. F. (1982). *Znak. Simvol. Mif. Trudy po yazykoznaniiyu*. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).
- Nikitin, M. V. (2003). *Osnovaniya kognitivnoy semantiki*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo RGPU im. A. I. Gertsena. (In Russ.).
- Pishchalnikova, V. A. (1991). *Kontseptualnyy analiz khudozhestvennogo teksta: uchebnoye posobiye*. Barnaul: Izdatelstvo AGU. (In Russ.).
- Plotin. (1994). *Izbrannyye traktaty: v 2-kh tomakh, I*: Moskva: Izdatelstvo «RM». (In Russ.).
- Rassel, B. (2000). *Chelovecheskoye poznaniye: yego sfera i granitsy*. Moskva: TERRA «Knizhnyy klub»; Respublika. (In Russ.).

- Schaff, A. (1973). *Language and Cognition*. Boston University: Mc Graw Hill Book Company.
- Teliya, V. N. (1986). *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh yedinit*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Ukhtomskiy, A. A. (2002). *Dominanta*. Sankt-Peterburg: Piter. (In Russ.).
- Vinogradova, S. G, Tolmacheva, I. N. (2018). Yazykovoye soznaniye i lichnostnyye dominanty. In: *Kognitivnyye issledovaniya yazyka, XXXIV: Cognitio i Communicatio v sovremennom globalnom mire: materialy VIII Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoy lingvistike*, 10—12 oktyabrya 2018. Moskva: MGU imeni M. V. Lomonosova; Neolit. 278—281. (In Russ.).
- Zalevskaya, A. A. (1992). *Individualnoye znaniye. Spetsifika i printsipy funktsionirovaniya*. Tver': Izdatelstvo TGU. (In Russ.).